

МАСТЕРСТВО В ТРУДЕ: «ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗАДАЧИ» И «СОВЛАДАНИЕ» С ИЗНОШЕННЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ НА ПОДМОСКОВНОЙ КОНФЕТНОЙ ФАБРИКЕ “IRISKI”

Ольга Владимировна Пинчук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

17 Промышленная ул., Санкт-Петербург, Россия

opinchuk@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена концептуальному анализу понятия «мастерство» в труде промышленных рабочих. На основе критического прочтения теории приспособления к среде (taskscape) Ингольда предпринимается попытка ответить на ряд вопросов: может ли труд промышленных рабочих быть творческим? Надо ли обладать мастерством, для того чтобы работать на промышленном оборудовании? Какую роль в процессе промышленного труда играет износ оборудования? Собственной эмпирической базой стали материалы годовичного включенного наблюдения на конфетной фабрике “Iriski”. Делается вывод о том, что вследствие износа оборудования труд операторов конфетной фабрики требует большей вовлеченности и использования креативных навыков («живого знания» по Горцу). Таким образом, износ провоцирует творчество в труде операторов и делает их навыки более уникальными. Их мастерство в процессе труда определяется тем, насколько умело они способны «совладать» с износом и поддержать непрерывную работу упаковочного цикла. Все это делает их, с одной стороны, более вовлеченными в труд, но, с другой стороны, и более «эксплуатируемыми», поскольку их мастерство остается незаметным для менеджмента, так же как и повсеместный износ фабричной инфраструктуры.

Ключевые слова: промышленный труд, мастерство, Ингольд, творческий труд, этнография труда, taskscape, ориентация на задачи.

Благодарности: Выражаю благодарность Фонду «Хамовники» за поддержку исследовательского проекта «Этнография рабочего места» с 2017 г.

Для ссылки: Пинчук О. Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике “Iriski” // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/pinchuk.pdf>

WORKMANSHIP: “TASK ORIENTATION” AND “COPING” WITH WORN-OUT EQUIPMENT AT THE “IRISKI” CANDY FACTORY

Olga Pinchuk

National Research University “Higher School of Economics”

17 Promyshlennaya Str., St Petersburg, Russia

opinchuk@hse.ru

Abstract: The article is devoted to a conceptual analysis of the term “workmanship” in the labor of industrial workers. Based on a critical reading of Tim Ingold’s “taskscape” theory, an attempt is made to answer a number of questions: Can industrial workers be creative? Do you need to have workmanship in order to work with industrial equipment? What is the role of equipment wear and tear in the industrial labor process? This paper reports findings from an ethnography of labor at the “Iriski” candy factory. It is concluded that—due to the wear and tear of the equipment—the labor of the operators of the candy factory requires more involvement and the use of their creative skills (“living knowledge”, according to Andre Gorz). Thus, the deterioration of equipment stimulates the creativity of the operators and makes their skills more unique. Their workmanship in the work process is determined by how skillfully they are able to “cope” with wear and tear and maintain the continuous operation of the packaging cycle. All this makes them, on the one hand, more involved in labor, but, on the other hand, more “exploited”, since their “workmanship” remains invisible to management, much like the widespread equipment deterioration of the factory infrastructure.

Keywords: industrial labor, workmanship, Ingold, creative labor, ethnography of labor, taskscape.

Acknowledgments: I would like to express my gratitude to the Khamovniki Foundation (Moscow, Russia) for supporting the research project “Ethnography of the workplace” since 2017.

To cite: Pinchuk O., ‘Masterstvo v trude: ‘orientatsiya na zadachi’ i ‘sovladanie’ s iznoshennym oborudovaniem na Podmoskovnoy konfetnoy fabrike “Iriski” [Workmanship: “Task Orientation” and “Coping” with Worn-out Equipment at the “Iriski” Candy Factory], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 54, pp. 68–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/pinchuk.pdf>

Ольга Пинчук

Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике “Iriski”

Статья посвящена концептуальному анализу понятия «мастерство» в труде индустриальных рабочих. На основе критического прочтения теории приспособления к среде (taskscape) Ингольда предпринимается попытка ответить на ряд вопросов: может ли труд индустриальных рабочих быть творческим? Надо ли обладать мастерством, для того чтобы работать на промышленном оборудовании? Какую роль в процессе индустриального труда играет износ оборудования? Собственной эмпирической базой стали материалы годовичного включенного наблюдения на конфетной фабрике “Iriski”. Делается вывод о том, что вследствие износа оборудования труд операторов конфетной фабрики требует большей вовлеченности и использования креативных навыков («живого знания» по Горцу). Таким образом, износ провоцирует творчество в труде операторов и делает их навыки более уникальными. Их мастерство в процессе труда определяется тем, насколько умело они способны «совладать» с износом и поддержать непрерывную работу упаковочного цикла. Все это делает их, с одной стороны, более вовлеченными в труд, но, с другой стороны, и более «эксплуатируемыми», поскольку их мастерство остается незаметным для менеджмента, так же как и повсеместный износ фабричной инфраструктуры.

Ключевые слова: индустриальный труд, мастерство, Ингольд, творческий труд, этнография труда, taskscape, ориентация на задачи.

Введение

Конфетная фабрика “Iriski”¹ — часть транснациональной корпорации по производству сладостей — возникла в Ивановском районе в конце 1990-х гг. буквально посреди картофельного поля. Населенные пункты района, представляющие собой довольно разрозненную «поселковую агломерацию», раньше входили в состав колхозов. Немногочисленные частные и малоэтажные квартирные дома были заселены работниками колхозов, а вокруг простирались гектары сельскохозяйственных полей².

Оборудование, которое используется на фабрике, привезли к самому ее запуску и с тех пор уже не меняли. До этого, по словам рабочих, оно выработало свой ресурс на «заграничной» фабрике: там списали — сюда привезли.

Ольга Владимировна Пинчук
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
orinchuk@hse.ru

¹ Название фабрики, как и название района, где она находилась, изменены. Этнографическое исследование проводилось при финансировании Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» и в рамках моей работы с коллективом Лаборатории методологии социальных исследований ИнСАП РАНХиГС (под руководством Д.М. Рогозина) в период с августа 2016 по август 2017 г. на конфетной фабрике, где я была укладчицей-упаковщицей, а затем оператором 1 разряда в цехе упаковки.

² Этот абзац является отрывком из: [Пинчук 2021].

Около десяти лет оборудование эксплуатировали в соответствии со всеми регламентами: ограничение по скорости работы, своевременные ремонты и диагностика, замена деталей и т.д. В 2013 г. в производственном крыле фабрики произошли значительные кадровые изменения, в частности полная замена топ-менеджеров. Авторитарно-патерналистский, как его назвал Саймон Кларк [Кларк 2004], стиль управления сменился неолиберальным. Основной задачей нового руководства стала оптимизация процессов, главным результатом которой стало увеличение скорости производства минимум в полтора раза [Пинчук 2018]. За прошедшие с тех пор три года¹ оборудование на фабрике не модернизировалось, не обновлялось, не подлежало капитальному ремонту, в связи с чем повсеместный износ оборудования, как и общей фабричной инфраструктуры, превратился в часть трудовой повседневности рабочих фабрики². Рабочие, привыкшие прежде к неформальным, личным взаимоотношениям с линейным и топ-менеджментом, теперь не понимали, что от них требуется, осуждали последние изменения и пытались осваивать «мастерство» работы на изношенном оборудовании (мастерски «совладать» с ним). Менеджмент, озабоченный оптимизацией всех процессов, требовал как продолжения увеличения скорости производства, так и сохранения при этом качества продукции, не замечая, как изменилось качество, ритмы и режимы труда рабочих.

Один из топ-менеджеров фабрики, с которым мы обсуждали ситуацию на производстве уже под конец моей полевой работы, отметил, что они (менеджеры) вынуждены работать в коротких временных горизонтах: «Мы не можем планировать надолго, мы должны показать заметные результаты уже через полгода-год»³. Поэтому те решения, которые они принимают исходя из сложившейся ситуации, связаны с увеличением скорости большинства процессов⁴.

Статья посвящена анализу практики труда женщин-операторов конфетной фабрики “Iriski” с акцентом на качество и содержание

¹ На момент полевой работы — 2016 г.

² Замечу, что я не застала времени, когда оборудование на фабрике было исправным, но мои коллеги-рабочие достаточно красноречиво об этом рассказывали: «Работали спокойно, машины шли как часы — пришла на смену, включила машину, она идет себе, ты раз в полчаса проверила конфеты, заменила упаковку и дальше наблюдаешь» (из полевых записей автора).

³ Из полевых записей автора (май 2016 г.).

⁴ Феликс Штайн убедительно показывает, что не только рабочие вынуждены приспосабливаться к ускоряющимся процессам производства. Консультанты по управлению бизнесом тоже становятся заложниками коротких временных горизонтов: они не только «учат» менеджеров, как правильно и оптимально ускорять процессы, но и сами погружены в бесконечную спешку [Stein 2018]. В данном случае «скорость» становится конкурентным преимуществом, так же как и в случае с топ-менеджментом, управляющим предприятиями в России.

их труда, которые изменились на фоне износа оборудования. С опорой на критическое понимание теории приспособления к среде (taskscape) Тима Ингольда я стремлюсь ответить на ряд вопросов: может ли труд операторов упаковки быть творческим¹? Надо ли обладать мастерством, для того чтобы упаковывать ириски? Какую роль в процессе труда может играть износ оборудования?

Источником для анализа стали материалы, собранные в период включенного наблюдения на фабрике, где я проработала год упаковщицей и оператором 1 разряда². Я исхожу из представления о том, что сам труд работниц — это часть их жизнедеятельности. Ровно так же, как в других сферах своей жизни люди «приспосабливаются» к среде (taskscape), вырабатывают определенные навыки и умения, работницы в цехе «приспосабливаются» к производственной среде, вырабатывают умение взаимодействовать с оборудованием. Однако я добавляю к теории Ингольда понятие «мастерство», для того чтобы обозначить наивысшую степень такого «приспособления».

Я выдвигаю тезис о том, что труд операторов конфетной фабрики “Iriski”, претерпев качественные и количественные трансформации на фоне износа оборудования, содержит аспекты творческого труда, требующего от работника подключения своей субъективности в процессе выполнения задач (task) и формирующего с опытом особые навыки и умения реагировать на поломки оборудования, в то время как сами задачи не имеют четких регламентов, правил или процедур выполнения.

В первой части статьи подробно рассматривается ингольдовская теория приспособления к среде (taskscape) в динамике. Далее представлены нюансы критики концептуализации докапиталистического и раннекапиталистического времени Эдварда Томпсона. Ингольд делает вывод о том, что «ориентация на задачи» не исчезает с приходом капиталистического производства, а, напротив, остается в самом его сердце — в процессе взаимодействия рабочих с оборудованием. Затем я показываю, как уже

¹ Понятие творческого труда используется в работе для обозначения ряда особенностей труда рабочих фабрики, таких как необходимость изобретения новых, неформализованных подходов к взаимодействию с промышленным оборудованием, самостоятельного и быстрого принятия решений в процессе труда, невозможность выполнения рабочих задач без привлечения личных качеств рабочего, таких как быстрая реакция, внимательность, смекалка, наблюдательность (субъективности рабочего). В русскоязычной литературе «творческий» и «креативный» преимущественно используются в качестве синонимов, что актуально и для данного текста. Подробнее про особенности творческого труда в постиндустриальном обществе см., например: [Григорьева 2016].

² Более подробно об исследовательском проекте — этических и методологических особенностях полевой работы, особенностях работы с материалом, издержках методологии этнографического исследования труда, а также коллаборативной работы в такого рода проектах — см. главу «Включенное наблюдение: труд исследователя и особенности полевой работы» в [Пинчук 2021].

в «современном» российском капитализме производственный процесс, осуществляющийся с использованием изношенного оборудования, становится возможным благодаря тому, что я в статье называю «мастерством» работниц фабрики.

Изобретение Taskscape (теории приспособления к среде)

1990-й год. Манчестерский университет. Сорокадвухлетний профессор Тим Ингольд читает вводную лекцию по социальной антропологии для целого потока новых студентов. Его основная задача — объяснить, что же собой представляет новая для студентов дисциплина. Он начинает следующим образом: «Социальная антропология — это исследование социальной жизни во всем ее многообразии». «Но социальная жизнь, — неспешно продолжает Ингольд, подбирая слова, — поскольку это океан, в котором мы все плаваем, не так легка и доступна для понимания» [Ingold 2017: 16]. Ингольд раздумывает, как может он развить в студентах особый вид апперцепции, позволяющей видеть социальное не как придаток к индивидуальному, а как матрицу, в которой взаимосвязанно протекают все человеческие жизни. Вдруг он вспоминает, как однажды его внимание привлекло полотно Питера Брейгеля Старшего «Битва Карнавала и Поста» (1559).

...Легко представить себе усеянную людьми городскую площадь средневекового фламандского городка, где каждый занят каким-то делом: торгует рыбой, выливает что-то из ведра из окна второго этажа, пьет вино из кувшина, валяется на земле, жарит блинчики, играет на балалайке. В нижней части холста мы видим ритуальный шуточный «бой» между плотным человеком в ярких одеждах верхом на бочке с вином, олицетворяющим «Карнавал», и другим, очень худым, в простеньких одеждах, с иссиня-бледного цвета лицом, олицетворяющим «Великий пост»¹.

К следующей лекции Ингольд подготовил слайд с иллюстрацией картины Брейгеля, вывел ее на большой экран перед глазами собравшихся студентов и воодушевленно заявил: «Вот! Это социальная жизнь, и это то, что мы, социальные антропологи, изучаем!» [Ingold 2017: 18]. Дальше своим студентам он объяснил, что на фоне ландшафта² — деревьев, домов, площади — изображена живая, непрекращающаяся деятельность. Каждый персонаж на холсте запечатлен «посреди деятельности», занят

¹ В основе сюжета лежит праздник, проводившийся в средневековой Франции и Голландии в последний день карнавала перед Великим постом. Центральным событием праздника являлась шуточная постановочная битва «Карнавала» и «Поста».

² В оригинале “landscape” в значении ‘панорама’, ‘общий вид местности’.

тем, что Ингольд называет «задачей». Эти «задачи» не выполняются изолированно, индивидуально, напротив, все герои сцены находятся в непрерывном взаимодействии друг с другом и с городским «ландшафтом».

В 1993 г. в программной статье «Темпоральность ландшафта» Ингольд вводит термин “taskscape”, буквально «пространство / сцена взаимозависимого выполнения задач» [Ingold 1993]. Taskscape — теория приспособления к среде — это идея для концептуального объяснения социальной жизни, которую Ингольд разрабатывает на протяжении нескольких лет. Он пытается ответить на онтологический вопрос существования человека в мире, где невозможно, как ему стало понятно, провести четкую границу между «окружающей средой» и «обществом».

В процессе работы над текстом «Темпоральность ландшафта» Ингольд постоянно рассматривает репродукцию другой картины Брейгеля, которая висит у него в кабинете, — «Жатва»¹. По сравнению с первой картиной здесь представлена сцена умиротворения и покоя: пшеничное поле на холме, люди, усевшись на уложенных снопах, едят под деревом в перерыве от работы, часть крестьян неспешно продолжает косить.

На обеих картинах Брейгеля мы видим, как в производстве и потреблении, труде и развлечении, движении и отдыхе поддерживаются и продуцируются как сами люди, так и среда обитания. Взглянув на «Жатву» Брейгеля, мы видим не только жнецов или даже обедающих крестьян, мы видим еще спящего под деревом работника. Ингольд замечает, что активности без отдыха не бывает, в этом смысле сон является частью жизнедеятельности в среде обитания, перемежающей жатву или торговлю рыбой [Ingold 2017: 21]. Поэтому «задача» по Ингольду, с одной стороны, необязательно и не только что-то нацеленное на «эффективность», на завершенность или требуемый извне результат. С другой стороны, это не нечто, что человек выполняет только по собственной рациональной воле, не нечто, что целесообразно выбирает для себя исходя из своих предпочтений или необходимости. «Задача» в контексте теории приспособления к среде — это все, на чем держится жизнедеятельность человека: покос пшеницы, сон под деревом, прием пищи на снопах пшеницы, торговля рыбой на площади, оседлание бочки с вином.

С тех пор как Тим Ингольд ввел понятие “taskscape”, прошло много времени. Сам он по прошествии этого времени считает

¹ Картина Питера Брейгеля Старшего, написанная в 1565 г. в рамках цикла «Времена года». Вероятно, на картине изображено позднее лето.

taskscape неологизмом и признает, что внес не самый приятный вклад в модную тенденцию придумывать новые словообразования со словом “scape” [Ingold 2017: 26]. Для решения теоретических задач этот термин оказался ненужным Ингольду сразу, как только помог ему ответить на вставший перед ним вопрос в начале 1990-х. Однако за тот период, когда он еще разрабатывал концепцию “taskscape”, им была написана важная в контексте исследований труда статья под названием «Время, работа, промышленность» [Ingold 1995]. Дальше по тексту я, во-первых, реконструирую теорию приспособления к среде, поскольку данная оптика отвечает концептуальным задачам моего исследования, во-вторых, предприму попытку развития этой теории в точке осмысления степени «приспособления» к среде на примере операторов упаковки, с применением понятия «мастерство».

Ингольдовская реконцептуализация «ориентации на задачи»

Текст Тима Ингольда «Время, работа, промышленность» 1995 г. выстраивается как критика работы марксистского историка Эдварда Томпсона¹, посвященной трансформации отношения ко времени при переходе от доиндустриальной эпохи к индустриальной [Thompson 1967].

Томпсон поднимает вопрос о соотношении капиталистического и некапиталистического времени и вводит понятия «ориентация на задачи» и «ориентация на время» [Коновалов 2019]. Он демонстрирует, что трансформация времени как социальной категории в истории индустриализации оказывается краеугольным камнем дисциплинарной организации модерности, а также пространственного разделения сфер труда и дома, работы и жизни, общественного и личного. Индустриализация приводит к переходу от времени, ориентированного на задачу, к «часовому времени», на основе которого выстраивается разделение между «работой» и «жизнью». Изначальной посылкой в понимании этих процессов является труд как рыночный товар.

Поскольку жизнь в индустриальном обществе с точки зрения деятельности сосредоточена в сфере потребления, рабочий продает свою рабочую силу как товар, а заработанные деньги расходует на то, чтобы поддерживать свое потребление. То есть разделение на сферы «работы» и «жизни» формально обуслов-

¹ Критика и переосмысление концепции трудовой дисциплины при индустриальном капитализме Эдварда Томпсона не начинаются и не заканчиваются статьей Ингольда. Например, Джон Мэй и Найлджел Трифт показали, что при переходе к индустриальному капитализму не произошло резких изменений в организации пространства и времени в рамках организации производства на предприятии [May, Thrift 2001]. См. также: [Glennie, Thrift 1996].

лено логикой капиталистического производства [Ingold 1995: 10]. Продавая свою рабочую силу работодателю, работник отчужден от процесса производства, а его «социальная жизнь» протекает там, где его действия обусловлены набором социальных ролей (в потреблении на заработанные деньги), а не требованиями работодателя. Соответственно любые социальные взаимоотношения на рабочем месте сами по себе не являются следствием кооперации в процессе труда, а существуют параллельно с кооперацией по поводу участия в рабочем процессе¹.

Логика критики перехода от ориентации на задачи к ориентации на часы со стороны Ингольда выстраивается вокруг предметного рассмотрения марксовской трудовой теории стоимости. Поскольку потребительная стоимость формируется исходя из качественных характеристик товара, а меновая — исходя из эквивалентности одного товара другому в процессе экономического обмена, первое — качественное и гетерогенное, а второе — количественное и гомогенное. Первое задается в ситуационных контекстах, второе раскрывается независимо от контекста — только от условий обмена. Все товары в итоге измеряются в одних и тех же единицах — денежных. Так же и труд, став товаром, оказывается «абстрактным общественным трудом», выраженным в часах и денежных единицах (неважно, как совершается труд и что он производит, важно, сколько труда затрачивается и сколько времени он продолжается). Именно поэтому в «капиталистическое время» ориентация на часы становится новой формой отношения к труду: сам труд — это количество часов, где стоимость каждого часа равна конкретному количеству денежных единиц.

Но Ингольд указывает на то, что работа портного становится сопоставимой с работой гончара, когда одно и другое выражено в стоимости часа, только если эти деятельности вытащить из матрицы социальных взаимоотношений, в которой они приобретают свою специфическую форму [Ingold 1995: 12]. Именно действительная деятельность, происходящая в контексте социальной матрицы, является тем, что Ингольд назвал «задачей». Для выполнения задач требуются определенные технические

¹ Дело в том, что когда в своем раннем труде «Наемный труд и капитал» Маркс говорит об «общественных отношениях», он имеет в виду некую абстракцию — производственные, экономические отношения, рассматривая их через призму капитала и масштабируя до уровня всего общества в целом. «В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» [Маркс 1933: 53]. Ингольд же рассматривает *taskscape* как поле социальных отношений в качественном смысле, это та рамка, в которую вписана деятельность, направленная не только и не столько на взаимный экономический обмен, т.е. необязательно имеющая экономическую ценность (в то время как у Маркса любая социальная деятельность имеет экономическую ценность).

навыки, квалификация, т.е. опыт в этой деятельности, и не требуется четкой кодификации правил и процедур, которые необходимо соблюдать для достижения «цели», на которую направлена задача [Ingold 1995: 10]. Сама же эта «цель» возникает в результате вовлечения человека в течение социальной жизни и не может быть предзаданной искусственным образом, как и не может быть четкого руководства для ее достижения. Ингольдовская «задача» — это результат жизнедеятельности человека в окружающей его среде, она возникает «естественным» образом в процессе какой бы то ни было деятельности.

В связи с этим тезис Ингольда звучит следующим образом: даже в капиталистических обществах, где сам труд становится «абстрактным» и исчисляется количественно, остается «ориентация на задачи» внутри этого труда как неотъемлемая часть взаимодействия людей друг с другом и с окружающей их средой. Это именно то, что он называет термином “taskscape”.

«Мастерство» в труде в пространстве taskscape

Если бы я рисовала картину, которая иллюстрирует непрекращающуюся жизнь промышленного цеха конфетной фабрики прямо посреди рабочей смены, она бы выглядела так.

...Просторное серое помещение с высокими потолками, без окон. Несколько больших промышленных станков стоят друг за другом в ряд. Возле каждого посреди деятельности замерли женщины в белых форменных одеждах: одна мнет упаковочную бумагу, стоя на скамье-подставке, чтобы быстро, не останавливая машину, засунуть упаковку в механизмы; вторая запечатлена на бегу от одной части машины к другой, чтобы успеть предотвратить максимально возможное количество сбоев; третья замерла с длинным шпателем возле ленты подачи, пытаясь выровнять ход упакованных ирисок; четвертая стоит рядом с третьей, помогая разбирать бракованные ириски, испорченные сбоем в механизмах машины.

Один из основных аргументов Ингольда заключается в том, что человек как социальный субъект всегда, в том числе на рабочем месте, остается в рамках социальной матрицы. Труд рабочего — часть его жизни, этот труд и именно в таком виде, в котором мы его застаем, вписан в ту социальную материю, в которой рабочий проживал прежде и продолжает проживать сейчас. Эта «материя» представляет процесс, жизнедеятельность, которая и являет собой основу всей жизни рабочего. Даже если этот труд вписан в рамки капиталистического общества, а рабочий, пользуясь терминологией Маркса, продает свою рабочую силу как товар, он остается социальным субъектом, т.е. продолжает

свою жизнедеятельность и даже может сохранять ту или иную степень автономии на рабочем месте.

Машины, рабочее оборудование и прочая инфраструктура, говорит Ингольд, являются значимыми компонентами непосредственной окружающей среды. Рабочий — не просто безличный, отчужденный придаток оборудования. По аналогии с тем, как человек «осваивает» или взаимодействует с миром¹, вырабатывая особые навыки и умения, будучи рабочим, он «осваивает» оборудование, приобретая в опыте навыки и умения, свойственные только этой непосредственной деятельности [Ingold 1995: 18–19].

В процессе технологизации производства наблюдаются постоянные попытки создавать все новые и новые машины, способные своими алгоритмами полностью заменить квалифицированного рабочего. Но такие попытки неизбежно терпят неудачу, так как человек в любом случае «осваивает» эту технологию, приобретая в этом процессе соответствующие навыки [Sigaut 1994: 446]. И здесь то, что прежде говорилось о «задачах», раскрывается в новом, более конкретном понимании: в данном случае это умелое обращение с промышленным оборудованием в процессе его «освоения» [Ingold 1995: 19].

Работа с машинами — часть процесса производства самого рабочего как квалифицированного социального агента. Но когда такое умелое обращение достигает некоторой выраженной формы, когда оно определяет некоторую степень освоения оборудования, — это то, что я называю «мастерством». Мастерство — это наивысшая степень «приспособления» к оборудованию, в процессе труда, определенная форма освоения «задач», которые возникают перед рабочим посреди деятельности — производственного труда.

Труд на промышленном предприятии часто описывается как монотонный и максимально отстраненный, особенно когда он вписан в рамки классического фордистского конвейера (см., например: [Beunon 1973; Herzog 1980; Glucksmann 2009]). С одной стороны, рабочему на линии сборки завода Ford Motor Company не надо принимать решений, он может просто «отключить свой мозг», как говорили информанты Хью Бейнона о своей работе². Но в то же время необходимо освоить то, каким

¹ Ингольд называет это “coping with machines”, имея в виду не «борьбу» или «противостояние», а скорее «освоение».

² Бейнон даже рассказывает историю, вероятно шуточную, пересказываемую среди рабочих, об одном мужчине, который ушел с завода «Форд» на фабрику кондитерских изделий, где ему необходимо было разделять красные и синие изделия. Он вскоре ушел оттуда, потому что не смог принимать решения (couldn't take the decision-making) [Beunon 1973: 119].

образом работает конвейер: «Я снимаю машину с подъемника, — говорит информант Бейнона. — Работая на линии, тебе необходимо адаптироваться к ее скорости». Сначала, говорит рабочий, работа выходила из-под его контроля, потому что он то спешил, то опаздывал [Beunon 1973: 128]. Похожие нюансы в труде на конвейере отмечает Марьям Глакман, исследуя женщин-операторов на крупном заводе по производству комплектов для автомобильных двигателей в Лондоне — работницы учатся приспосабливаться к темпоральной организации конвейерной линии: «В начале каждой сборочной линии был красный световой сигнал — каждый раз, когда он вспыхивал, каждые полторы минуты или около того, первая женщина-оператор ставила лоток с двумя деталями на ленту, и начинался путь по конвейеру. <...> По каждому следующему световому сигналу оператор впереди отправлял лоток дальше по линии следующему оператору, подталкивая его. Следующий оператор выполнял свою работу и отправлял дальше, обеспечивая непрерывный поток лотков» [Gluckmann 2009: 9]. В данном случае, несмотря на монотонность, изнурительность и совершенную механистичность труда (что кажется при первом приближении), степень «приспособления к среде» рабочих раскрывается именно в том, насколько хорошо они овладели этой конвейерной темпоральностью. Рабочие не зря замечают, что не каждый справлялся с такой работой — кто-то уходил еще на испытательном сроке [Beunon 1973: 124]. Иными словами, это то, что Ингольд называет «приспособлением к часовому времени». Несмотря на то что труд рабочих на производстве регламентируется часовым временем, «ориентация на задачи» сохраняется именно в этом «совладании» с производственной темпоральностью. «Часы, — говорит Ингольд, — неотъемлемая часть среды обитания людей в индустриальном обществе, и с ними необходимо научиться “ладить” так же, как люди учатся “ладить” с другими видами технологий» [Ingold 1995: 20].

Ссылаясь на исследования железнодорожников Фрэда Коттрелла [Cottrell 1939] и Фредерика Гамста [Gamst 1980], Ингольд отмечает, что организация работы без происшествий зависит от умения железнодорожников «вовремя» совершать определенные действия (например, стрелочный перевод). И речь здесь не только и не столько о конкретном часовом времени, скорее о чувстве момента. Умение «почувствовать момент» и точно совершить необходимое рабочее действие — это и есть «мастерство».

Обращаясь к моим этнографическим данным, собранным в течение года работы на кондитерской фабрике “Iriski”, можно также проиллюстрировать мастерство женщин-операторов на промышленном оборудовании в процессе «совладания» с темпо-

ральностью упаковочной машины. Важной в этой связи становится задача, заключающаяся в том, чтобы успевать вовремя докладывать упаковочный материал — обертку для конфет и корбочки. «Мастерство» оператора начинается в момент замены рулона с упаковочной оберткой. И здесь важно не пропустить «правильный» момент. Этот момент наступает примерно за десять секунд до окончания старого рулона. Оператор постоянно периферийным зрением наблюдает за бумагой, примерно прикидывает, сколько времени она будет расходоваться при установленной скорости машины. Когда ширина цилиндра бумаги сильно уменьшается и практически приближается к ширине самой картонной втулки, оператору остается «поймать» момент: менять бумагу не стоит, если на втулке осталось даже несколько мотков бумаги. Машину надо остановить тогда, когда виден край обертки, закрепленный скотчем к втулке. Рулон упаковочной бумаги крепится снаружи машины, поэтому он легко обозрим. Но сама обертка настолько тонкая, что неподготовленный глаз едва ли определит, сколько времени еще потребуется, чтобы докрутить рулон до конца. Срезать бумагу раньше — значит выкинуть пригодную упаковку в мусор. За это не предусмотрено никаких санкций со стороны руководства, но это считается неприемлемым среди самих операторов. Умение «поймать момент» определяет квалификацию оператора¹. В то же время об «упущенном моменте» весь цех извещает резкий грохот, происходящий в результате того, что конец бумаги отрывается от втулки, протягивается вглубь механизмов машины, зажевывается ими, и машина останавливается. «Бумагу упустила!» — заключают коллеги на соседних машинах: даже на фоне постоянного шума от работы оборудования этот грохот ни с чем не спутать.

Все эти примеры труда рабочих в разных сферах демонстрируют особое чувство времени, которое тесно связано с конкретными задачами и сформированными навыками, необходимыми для их выполнения.

«Мастерство» в труде рабочих не сводится только к умению «почувствовать момент», к «совладанию» с «часовым временем» в темпоральной организации конвейера, упаковочной машины или на железной дороге. Роман Абрамов на основе своего этнографического исследования металлургов на машиностроительном заводе заключает, что в работе литейщика «не столько важен уровень знаний, сколько практический опыт, “сметка” и интуиция, которую сами рабочие называют “чувство металла”».

¹ Это становится понятно не в результате прямой артикуляции критериев квалифицированности операторов либо их декларированного закрепления в нормативных документах, кодексах, а, напротив, возникает как неформальная оценка работы того или иного оператора коллегами в процессе труда.

От внимания и опыта «литейщика» в итоге зависит процентная доля конечного сплава после переработки: слишком высокая температура печи выжигает металл, а недостаточно высокая снижает качество» [Абрамов 2012: 12]. «Чувство металла» в данном случае такой же явный маркер «мастерства», как и «чувство момента». В обоих случаях такие некодифицируемые навыки и умения обуславливают личную и профессиональную идентичность рабочего, а также, вероятнее всего, выстраивают неформальную иерархию внутри коллектива: рабочие с лучшим «чувством» в данных примерах, с более точными действиями признаются более опытными.

Непосредственно весь опыт «совладания», взаимодействия с промышленным оборудованием так или иначе формирует «мастерство» рабочего, вырабатывая новые навыки непосредственно в конкретной трудовой деятельности. Мастерство операторов в работе на отлаженном оборудовании проявляется в еще одной практике — самой замене рулона упаковочной бумаги. Здесь важна аккуратность и точность: край бумаги ровно отрезается от втулки так, чтобы скотч, на котором она держится, остался с втулкой, на край бумаги ровно клеится тонкая полоска двустороннего клея, новый рулон устанавливается на держатель, край нового рулона ровно прикрепляется на двусторонний скотч к краю той бумаги, что уже ушла в упаковочную машину. Степень того, насколько точно и аккуратно оператор заменила бумагу, определяется гладкостью работы машины — если были допущены неточности, машина неизменно «зажует» бумагу и остановится¹. Придется делать все по новой.

Не всегда, однако, быть «более опытным», или обладать «мастерством», значит иметь признание на рабочем месте или вне его. Таким образом, вероятно, «отчуждение» может возникать не столько по факту самого участия в «принудительном», говоря словами Маркса, труде, сколько на фоне отсутствия признания «мастерства». Рабочие редко воспринимают свой труд через призму «мастерства» или даже «совладания» с оборудованием, т.е. видят себя как квалифицированных рабочих, обладающих определенными уникальными навыками. Они могут выполнять в том числе достаточно сложные операции, которые не входят в их изначальный функционал, и видеть в этом обыденность своего труда, не отдавая себе отчет о важности своих умений [Клеман 2003].

¹ Мне потребовалось немало времени, для того чтобы перестать «упускать» бумагу и научиться менять рулоны так, чтобы машина шла гладко. Немало обертки впустую было потрачено в процессе моего обучения. Нередко приходилось прибегать к помощи старших, более опытных коллег, которые демонстрировали невероятное умение справляться с самыми сложными последствиями неправильной или несвоевременной замены бумаги.

Работа с оборудованием представляет множество задач, требующих от рабочего определенных способностей и вовлеченности, захватывающих его или ее внимание и восприятие. То есть предполагает участие рабочего в этом взаимодействии не только на физическом (как единицы рабочей силы), но и на ментальном, эмоциональном уровнях. Более того, как утверждает Ингольд, именно посредством приобретения навыков в освоении оборудования рабочие получают возможность противостоять (resist) режиму контроля со стороны работодателя (см., например: [Hamper 1992]) или даже управлять своим рабочим временем так, чтобы оставаться «способными» взаимодействовать с оборудованием [Roy 1959]¹.

Мастерство рабочих в процессе «совладания» с изношенным оборудованием

По большому счету то, что можно назвать теорией приспособления к среде (taskscape) по Ингольду, дает нам возможность реконцептуализировать наемный труд, встроив его в более широкие рамки² жизнедеятельности человека в непрерывном взаимодействии с другими людьми и со средой. Когда рабочий в цехе работает на оборудовании, взаимодействует с заводской инфраструктурой, общается с коллегами по цеху, он находится в поле приспособления к среде, ровно так же, как и в рамках своего домохозяйства. Процесс «приспособления» к производственному процессу, или «совладания» с оборудованием, приобретает новые аспекты в ситуации, когда оборудование изнашивается и его работа становится неритмичной. Такие условия создают новые задачи для рабочих, и, как правило, эти задачи носят еще и творческий характер, требуя от рабочих смекалки и находчивости, того, что Андре Горц назвал «живым знанием» [Горц 2007: 5].

В ситуации исправной работы промышленного оборудования труд операторов по большей части предполагает управление оборудованием и контроль его работы. Функционал такого труда достаточно понятен и предсказуем: запуск машины, проверка работы оборудования, замена упаковочного материала, проверка качества продукции, чистка машины. Все эти рабочие

¹ Дональд Рой пишет о том, как «выживала» и удерживалась от того, чтобы «не сойти с ума» в контексте очень монотонной продолжительной работы небольшая группа заводских механиков. Рой описывает свою работу как «мрачный процесс борьбы с часами, и конкретными часами в этой ситуации были старомодные будильники, которые тикали на полках возле машины» [Roy 1959: 160].

² В то же время, безусловно, и в «более узкие», поскольку «среда» в данном случае концептуализируется на уровне повседневной вовлеченности в окружающий мир, в то время как теория отчуждения формулируется Марксом на уровне анализа капитализма как политэкономической системы.

операции прописаны в инструкции по эксплуатации оборудования и не представляют сложности для квалифицированного рабочего, получившего допуск к работе на машине. Безусловно, как замечает Ингольд, уже на этом этапе нельзя считать рабочего простым придатком оборудования, выполняющим четкие регламентированные операции. Взаимодействие с оборудованием в принципе предполагает наличие определенных практических навыков и квалификации, поскольку необходимо иметь знание об устройстве машины, ее механизмах, изъянах и особенностях. Однако в современном российском контексте, когда износ оборудования — не уникальная ситуация и является следствием своеобразной системы управления по минимизации затрат и максимизации прибыли, труд рабочих приобретает творческую составляющую, которая важна не сама по себе, а в рамках повышения собственного мастерства, которое, в свою очередь, имеет социальное измерение (быть лучшим оператором в смене или «опытным оператором», который способен справиться с самой сложной машиной).

Упаковочное оборудование на фабрике “Iriski”, с которым непосредственно работают операторы, имеет в большинстве случаев следующую конфигурацию: большая лента подачи, по которой продукт попадает в бункер первой упаковочной машины; первая упаковочная машина, где конфеты заворачиваются в обертку, а края запаиваются; малая лента подачи, по которой упакованные конфеты подаются во вторую упаковочную машину; вторая упаковочная машина, где конфеты в обертке укладываются в коробочки; малая лента подачи, по которой коробочки с упакованными конфетами следуют на большую ленту подачи. Дальше конфеты выходят из непосредственной рабочей зоны оператора и отправляются к финальной стадии упаковки — к машине, где коробочки оборачиваются в целлофан и укладываются в большие короба.

Этот процесс — от первой большой ленты подачи до второй — непрерывен. Точнее, он должен быть непрерывным — в этом и заключается задача оператора. Чем больше износ оборудования, тем больше в этом процессе непредвиденных сбоев. Операторы в свою очередь занимаются тем, что исправляют и устраняют эти сбои. Все необходимо делать быстро и своевременно. Теперь уследить за рулоном бумаги становится еще сложнее: оператор постоянно находится в процессе устранения различных неполадок, пытается их избежать, бегаёт по всему периметру своего рабочего пространства¹. Две упаковочные машины, находящиеся в рабочей зоне оператора, расположены

¹ Около четырех-пяти квадратных метров.

одна за другой. Устраняя проблемы в одной машине или на малой ленте подачи, оператор рискует упустить что-то в другом месте.

В попытке устранить или минимизировать сбои оборудования оператор неизбежно сталкивается с необходимостью «изобретать» новые и новые решения, подключая к этому процессу всю свою субъективность: внимательность, скорость реакции, смекалку, находчивость и т.д. Продукт застревает в механизмах машины или на ленте подачи, упаковка спаивается неплотно, образуя дыры, клеевая система регулярно дает сбой, так же как и датчики, установленные на оборудовании. Наиболее простым для описания «изобретением» может быть клочок картона, вставленный в нужное место и в нужный момент под малую ленту подачи конфет, чтобы обеспечить более гладкий ход продукта по ленте. Но чтобы определить «нужный момент» и «нужное место», необходимо провести ряд экспериментов, что требует времени и ресурсов. Все начинается с того, что оператор обнаруживает, как конфеты, упакованные в индивидуальную упаковку, следуя по ленте подачи во вторую машину, то и дело падают с этой ленты на пол. Для начала оператор несколько секунд, вероятнее всего, понаблюдает за процессом в попытке понять регулярность падения продукта. Дальше проверит, все ли в порядке с продуктом — возможно, на каждой, скажем, пятой конфете не запаян должным образом уголок упаковки, который цепляется в определенном месте за выступ на бортиках ленты и падает на пол. Если с упаковкой всё нормально, следует проверить сами бортики. В ситуации, когда и здесь не обнаружено проблем, внимание оператора переключается на саму ленту. Здесь уже может быть обнаружено, как лента едва заметно приподнимается в конкретном месте, сталкивая конфеты. Одним из решений может быть кусочек картона — он сворачивается в несколько раз, в зависимости от особенностей проблемы, и подкладывается таким образом, чтобы не мешать ходу других участков ленты, но в то же время обеспечить более гладкий проход продукта на проблемном участке¹.

Безусловно, тот алгоритм, порядок операций, который я так четко описала выше, вряд ли возможен на практике в столь последовательном воплощении: решение ищется на месте, по-

¹ В этом пошаговом процессе принятия решений, кажется, упущена одна важная деталь — вызов технической службы, которая устранил проблемы какими-то более подходящими техническими средствами. Поскольку процесс оптимизации коснулся не только повышения интенсивности производственного цикла, но и определенных кадровых решений, часть механиков была сокращена. Операторы оказались в ситуации освоения процесса мелкой «наладки» оборудования подручными средствами, не дожидаясь механиков. Проблема заключалась еще и в том, что изношенное оборудование не так легко починить, его можно только наладить на короткое время, за чем неизбежно следует следующий сбой.

среди деятельности, не со стороны, когда можно постоять и подумать, не заранее (предсказать такого рода проблему практически невозможно). Такие мелкие сбои представляют собой уникальные случаи, которые можно при желании разбить на группы и выработать некоторые стратегии решений в конкретных схожих ситуациях, но обеспечить себя решениями заранее на весь процесс работы невозможно — каждый раз машина ломается по-разному.

Второй достаточно простой пример «изобретения» касается работы датчиков второй упаковочной машины. Механика ее работы выглядит примерно следующим образом: датчик на входе продукта в машину отсчитывает необходимое количество конфет, малая линия подачи останавливается на несколько секунд, отобранный продукт переносится в специальное место, куда уже помещено картонное основание коробочки, на края картонного основания капает клей (этим тоже управляет датчик), дальше края картона соединяются, и коробочка с нужным количеством продукта выходит из машины. Если клей капает мимо края коробочки, то коробочка не склеится, в процессе выхода из машины застрянет, порвется и весь продукт вывалится под машину. Безусловно, сначала необходимо проверить саму клеевую систему — капает ли клей, в каком объеме, не накопился ли клей где-то в механизмах машины, что мешает краям коробочки склеиться, и т.д. Если с этой частью работы оборудования все в порядке, стоит проследить весь путь картонного основания с момента определения упаковочного материала в специальный лоток. На основе работы датчиков механизмы машины кладут картонное основание на мягкие прочные «рельсы», по которым оно следует в место, где на него будет определен продукт.

Предположим, оператор столкнулась с такой проблемой: несколько коробок не склеились должным образом. Внимание сразу падает на уголок картона — есть ли там клей. Если следы клея все же есть, значит, дело не в клеевой системе. Нередко, как определяют сами операторы, проблема в упаковке — картонные основания приходят разного качества. Для ритмичной работы изношенного оборудования подчас требуется особый изгиб этих картонных оснований. Именно в этой части начинается «изобретательность». Невооруженным глазом сложно уловить, где именно в картонном основании находится нежелательный изгиб, чтобы его исправить, поэтому оператор будет раз за разом «мять» картонное основание, пока не добьется идеального попадания капли клея на край картона. Нередко эти эксперименты занимают от нескольких минут до получаса и дольше: загибаешь несильно один край основания в одну сторону, пускаешь в машину, отмечаешь, что не хватило загиба в другую

сторону, гнешь в другую — и так до тех пор, пока не произойдет желаемое. Опытные операторы всегда советуют наблюдать за машиной и с самого начала смены «мять» картон в соответствии с работой механизмов. Все это возможно понять только в процессе опытов и экспериментов. По словам операторов, когда оборудование работало до износа, такой чувствительности к качеству картона не было.

Подобные процессы перемежаются с другими сбоями в работе оборудования, которые могут и не предполагать конкретной изобретательности оператора, но требуют быстрой реакции, внимательности, смекалки, наблюдательности. Все эти сбои не должны возникать в работе оборудования на автоматизированном производстве, но по факту своего возникновения требуют гораздо большей вовлеченности операторов в процесс взаимодействия с оборудованием, чем прежде¹. Без вовлеченного и трепетного участия операторов, без их креативности и смекалки оборудование не способно сохранять свой ритм.

Вследствие износа оборудования труд операторов конфетной фабрики требует большей вовлеченности и использования креативных навыков («живого знания»). Таким образом, износ провоцирует «творческую» работу операторов (их изобретательность) и делает их навыки более уникальными. Мастерство операторов в процессе труда определяется тем, насколько умело они выполняют задачи по «совладанию» с износом и поддержанию непрерывной работы упаковочного цикла. Все это делает их, с одной стороны, более вовлеченными в труд, но, с другой стороны, и более «эксплуатируемыми», поскольку их «мастерство» не признается менеджментом, так же как и повсеместный износ инфраструктуры.

Признание мастерства рабочих

Рассматривая в качестве примера исследования работы железнодорожников, где необходимо выработать «чувство времени», а точнее «чувство подходящего момента», Ингольд заключает, что «в глазах руководства железнодорожная система задумывалась как целостная технология, которая в принципе должна работать с предсказуемостью часового механизма, а сотрудники рассматривались просто как средство для реализации задуманного» [Ingold 1995: 24]. Но, как он показывает дальше, опыт железнодорожников, навыки «чувствовать момент» были вклю-

¹ Если говорить словами Дэвида Гребера, то операторы изношенных машин — это костыльщики, творческая составляющая их работы — «это результат сбоев в системе, которые никто не потрудились исправить» [Гребер 2020: 84]. «Изобретения» в данном случае — это «костыли», которыми операторы пытаются поддержать работу изношенного оборудования.

чены и приобрели значение в рамках ориентированного на задачу подхода к практике управления поездами. И здесь, если говорить о мастерстве рабочих в деятельности по «освоению» оборудования, важным моментом становится то, каким образом вся эта система взаимодействия рабочих и машин видится из перспективы тех, кто всем этим руководит.

Несмотря на то что труд на конфетной фабрике “Triski” регламентирован пространственно-темпоральным режимом (есть четко предзаданное начало смены, место работы, время и место перерывов), само содержание работы лишь отчасти нормативно обусловлено. Инструкции, своды правил и прочие формальные документы видят оператора как некий пусковой механизм в работе машин, отдавая при этом ведущую роль в производственном процессе последним. Многие управленческие решения, касающиеся организации труда или кадровых перестановок, делаются именно из перспективы такого неточного представления о реальности процесса производства. Формальная квалификация рабочих определяется присвоенным им разрядом, в то время как фактическое «мастерство» оператора определяется его умением «совладать» с оборудованием. Разряды достигаются путем прохождения квалификационного экзамена, вопросы которого основаны на все тех же нормативных актах и инструкциях, которые, вероятно, имели больше значения, когда оборудование было новым и работало без сбоев.

Ингольд пишет, что взгляд на рабочих как на единицы рабочей силы неизменно присутствует у работодателей. Особенно это касается крупных предприятий, где конкретный, ориентированный на задачи труд не виден, а соответственно и не принимается в расчет тот факт, что рабочие, взаимодействуя с оборудованием, вырабатывают специальные навыки и являются вовлеченными в процесс субъектами. Вероятно, одна из проблем в организации производственного труда заключается именно в этой «слепоте» работодателя. В частности, это может выливаться в неадекватные кадровые решения. В случае конфетной фабрики, опираясь на различные уже устаревшие нормативные документы, менеджеры определяли, какое количество рабочих необходимо для тех или иных задач, и никогда не предусматривали факт износа оборудования, чем значительно интенсифицировали процесс труда рабочих и способствовали увеличению количества брака.

Карин Клеман назвала работу по поддержанию изношенного оборудования «скрытой». Ее исследование в начале 1990-х гг. проходило на российских предприятиях, и она отметила, что «оборудование чаще всего на грани износа. Действует оно лишь

потому, что рабочие за многие годы обслуживания научились поддерживать его в рабочем состоянии» [Клеман 2003: 64]. Клеман тоже называет это «находчивостью» и «изобретательностью» и добавляет, что такая «скрытая» работа «не оплачивается и фактически не признается». В то же время сами рабочие не отдадут себе отчет в том, что занимаются «скрытой» работой, и в том, что эта «скрытая» работа требует от них индивидуальных усилий и конкретных навыков. А соответственно, говорит Клеман, чувствуют себя незначимыми в процессе производства и не обладают «профессиональным самоутверждением» [Клеман 2003: 67].

Заключение

Лора Бэар, анализируя современный капитализм, формулирует понятие «чувство мастерства» (*sense of workmanship*), основанное на этической и аффективной стороне труда. Чувство мастерства «возникает в трудовой деятельности и вне ее, в пределах определенного темпорального пространства (*timescape*)», это область опыта, возникающего в результате попытки согласовать работу различных технических устройств, темпоральные ритмы и репрезентации в продуктивной трудовой деятельности [Bear 2014: 74]. Оно выражается не в формальной квалификации или технических навыках, но в умении быть гибким по отношению к внешним вызовам, умении к ним адаптироваться [Bear 2012]. Концепция «чувства мастерства» в данном случае основана на критическом прочтении Веблена, в частности его работы «Теория праздного класса», где он суммирует свои размышления по поводу «инстинкта мастерства» [Veblen 1991]. Для Веблена «инстинкт мастерства» — это «склонность или предрасположенность к *эффективным* действиям, где традиция общественной жизни или обстоятельства приводят к привычному сравнению одного человека с другим исходя из эффективности их действий. В сопоставлении себя с соперником, в сравнении, вызывающем зависть, вырабатывается инстинкт мастерства, <...> инстинкт мастерства вырабатывается в стремлении к демонстративному преуспеванию как основе уважения», это цель, которая преследуется сама по себе [Веблен 1984: 34]. «Мастерство» в моем понимании, с опорой на теорию приспособления к среде, носит иной характер, здесь не идет речь о конкретной конкурентной эффективности действий. В случае труда операторов кондитерской фабрики мастерство определяет характер выполнения задач (*task*), которые возникают сами по себе в ходе работы на изношенном оборудовании. Оно становится апогеем, высшей степенью «приспособления к среде», формируется на пересечении «живого знания» рабочих («опыт и навыки, ставшие интуитивной очевидностью

и привычкой» [Горц 2010: 23]) и опыта их работы с конкретным оборудованием в состоянии износа. Важно, что практически все работницы цеха упаковки конфетной фабрики в той или иной степени овладели мастерством «совладания» с изношенным оборудованием, поскольку иначе невозможно оставаться на позиции оператора — мастерство становится неотъемлемой частью такого труда по крайней мере на фоне износа.

Именно мастерство в освоении оборудования способствует в конечном счете формированию личной и коллективной профессиональной идентичности. Для работниц фабрики многочисленные и постоянные поломки машины — это точка солидаризации, возможность оценить и осознать свой труд и труд коллег по бригаде [Пинчук 2021: 122].

Литейщики на машиностроительном заводе называют свой труд «творческим», обуславливая это, кроме всего прочего, необходимостью обладать интуицией в работе [Абрамов 2012: 19]. Операторы упаковки, несмотря на то что одним из важных качеств, позволяющих им выполнять свою работу, является изобретательность, не определяют свою работу как творческую. Эта сторона их труда остается незаметной за пределами рабочего коллектива, несмотря на их мастерство, творческое умение взаимодействовать с изношенным оборудованием, предотвращая или устраняя поломки.

Благодарности

Выражаю благодарность Фонду «Хамовники» за поддержку исследовательского проекта «Этнография рабочего места» с 2017 г.; Николаю Ссорину-Чайкову за длительные и продуктивные обсуждения моего исследовательского проекта, за идею статьи, многочисленные прочтения и обсуждения черновика статьи на разных стадиях моей работы; Олегу Журавлеву, а также Карин Клеман за внимательное прочтение статьи, ценные советы и комментарии; участникам регулярного «Антропологического кружка», организованного Николаем Ссориним-Чайковым, и семинара для аспирантов в Департаменте истории НИУ ВШЭ (в Санкт-Петербурге), где мне посчастливилось представить черновик статьи, особенно Татьяне Борисовой, Александру Семенову, Ксении Черкаевой, Елене Кочетковой, Даре Терещиной, Никите Карбасову. Отдельная благодарность моим анонимным рецензентам за справедливую и корректную оценку моей работы, грамотные и безусловно полезные предложения по доработке текста и важные рекомендации.

Библиография

Абрамов Р.Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной субкультуры // Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.). Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М.: Вариант, 2012. С. 153–174.

- Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
- Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2007. № 4. С. 5–63.
- Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / Пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
- Гребер Д. Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem, 2020. 440 с.
- Григорова Я.В. Творческий труд в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2016.
- Кларк С. Чисто советская форма капитализма? Менеджмент холдинговых компаний в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 7(3). С. 20–45.
- Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–72.
- Коновалов И.А. Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22(1). С. 193–224.
- Маркс К. Наемный труд и капитал. М.: Партийное изд-во, 1933. 48 с.
- Пинчук О. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. № 15(10). С. 24–40.
- Пинчук О. Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. 208 с.
- Bear L. Sympathy and Its Material Boundaries: Necropolitics, Labour and Waste on the Hooghly // Alexander C., Reno J. (eds.). Economies of Recycling: The Global Transformation of Materials, Values and Social Relations. L.: Zed Press, 2012. P. 185–203.
- Bear L. For Labour: Ajeet's Accident and the Ethics of Technological Fixes in Time // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2014. Vol. 20. P. 71–88.
- Beynon H. Working for Ford. Harmondsworth: Penguin, 1973. 409 p.
- Cottrell W.F. Of Time and the Railroader // American Sociological Review. 1939. Vol. 4. No. 2. P. 190–198.
- Gamst F.C. The Hoghead: An Industrial Ethnology of the Locomotive Engineer. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. 156 p.
- Glennie P., Thrift N. Reworking E.P. Thompson's Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism // Time and Society. 1996. Vol. 5. No. 3. P. 275–299. doi: 10.1177/0961463X96005003001.
- Glucksmann M.A. Women on the Line. L.: Routledge, 2009. 232 p.
- Hamper B. Rivethead: Tales from the Assembly Line. N.Y.: Grand Central Publishing, 1992. 260 p.
- Herzog M. From Hand to Mouth: Women and Piecework. Harmondsworth: Penguin, 1980. 154 p.

- Ingold T.* The Temporality of the Landscape // *World Archaeology*. 1993. Vol. 25. No. 2. P. 152–174.
- Ingold T.* Work, Time and Industry // *Time and Society*. 1995. Vol. 4. No. 1. P. 5–28. doi: 10.1177/0961463X95004001001.
- Ingold T.* Taking Taskscape to Task // *Rajala U., Mills P. (eds.). Forms of Dwelling: 20 Years of Taskscapes in Archaeology*. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 16–27.
- May J., Thrift N.* Introduction // *May J., Thrift N. (eds.). Timespace: Geographies of Temporality*. L.: Routledge, 2001. P. 1–46.
- Roy D.* “Banana Time”: Job Satisfaction and Informal Interaction // *Human Organization*. 1959. Vol. 18. No. 4. P. 158–168.
- Sigaut F.* Technology // *Ingold T. (ed.). Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life*. L.: Routledge, 1994. P. 420–459.
- Stein F.* Selling Speed: Management Consultants, Acceleration, and Temporal Angst // *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. 2018. Vol. 41. No. S1. P. 103–117. doi: 10.1111/plar.12256.
- Thompson E.* Time, Work-discipline, and Industrial Capitalism // *Past and Present*. 1967. No. 38. P. 56–97.
- Veblen T.* *The Theory of the Leisure Class*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 263 p.

Workmanship: “Task Orientation” and “Coping” with Worn-out Equipment at the “Iriski” Candy Factory

Olga Pinchuk

National Research University “Higher School of Economics”
17 Promyshlennaya Str., St Petersburg, Russia
opinchuk@hse.ru

The article is devoted to a conceptual analysis of the term “workmanship” in the labor of industrial workers. Based on a critical reading of Tim Ingold’s “taskscape” theory, an attempt is made to answer a number of questions: Can industrial workers be creative? Do you need to have workmanship in order to work with industrial equipment? What is the role of equipment wear and tear in the industrial labor process? This paper reports findings from an ethnography of labor at the “Iriski” candy factory. It is concluded that—due to the wear and tear of the equipment—the labor of the operators of the candy factory requires more involvement and the use of their creative skills (“living knowledge”, according to Andre Gorz). Thus, the deterioration of equipment stimulates the creativity of the operators and makes their skills more unique. Their work-

manship in the work process is determined by how skillfully they are able to “cope” with wear and tear and maintain the continuous operation of the packaging cycle. All this makes them, on the one hand, more involved in labor, but, on the other hand, more “exploited”, since their “workmanship” remains invisible to management, much like the widespread equipment deterioration of the factory infrastructure.

Keywords: industrial labor, workmanship, Ingold, creative labor, ethnography of labor, taskscape.

Acknowledgements

I would like to express my gratitude to the Khamovniki Foundation (Moscow, Russia) for supporting the research project “Ethnography of the workplace” since 2017. To Nikolay Ssorin-Chaikov for long and productive discussions of my research project, for the idea of the article, numerous readings and discussions of the draft article at various stages of my work. To Oleg Zhuravlev, as well as Karine Clément for careful reading of the article, valuable advice and comments. To the participants of the regular “Anthropological Circle” organized by Nikolai Ssorin-Chaikov, and the seminar for postgraduate students at the Department of History of the National Research University Higher School of Economics (St Petersburg, Russia), where I was fortunate enough to present a draft of this article, especially to Tatyana Borisova, Alexander Semenov, Ksenia Cherkaeva, Elena Kochetkova, Daria Tereshina, Nikita Karbasov. Special thanks to my anonymous reviewers for a fair and accurate assessment of my work, competent and certainly useful suggestions for finalizing the text and important recommendations.

References

- Abramov R. N., ‘Metallurgi na mashinostroitelnom zavode: ocherk professionalnoy subkultury’ [Metallurgists at a Machine-building Plant: An Outline of the Professional Subculture], Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. (eds.), *Antropologiya professiy: granitsy zanyatosti v epokhu nestabilnosti* [Anthropology of Professions: Limits of Occupation in the Epoch of Unstability]. Moscow: Variant, 2012, pp. 153–174. (In Russian).
- Bear L., ‘Sympathy and Its Material Boundaries: Necropolitics, Labour and Waste on the Hooghly’, Alexander C., Reno J. (eds.), *Recycling Economies*. London: Zed Press, 2012, pp. 185–203.
- Bear L., ‘For Labour: Ajeet’s Accident and the Ethics of Technological Fixes in Time’, *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2014, vol. 20, pp. 71–88.
- Beynon H., *Working for Ford*. Harmondsworth: Penguin, 1973, 409 pp.
- Clarke S., ‘Chisto sovetskaya forma kapitalizma? Menedzhment kholdingovykh kompaniy v Rossii’ [A Very Soviet Form of Capitalism? The Management of Holding Companies in Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2004, no. 7(3), pp. 20–45. (In Russian).
- Cottrell W. F., ‘Of Time and the Railroader’, *American Sociological Review*, 1939, vol. 4, no. 2, pp. 190–198.

- Gamst F. C., *The Hoghead: An Industrial Ethnology of the Locomotive Engineer*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980, 156 pp.
- Glennie P., Thrift N., 'Reworking E. P. Thompson's Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism', *Time and Society*, 1996, vol. 5, no. 3, pp. 275–299. doi: 10.1177/0961463X96005003001.
- Glucksmann M. A., *Women on the Line*. London: Routledge, 2009, 232 pp.
- Gorz A., *The Immaterial*. Chicago: Seagull Books, 2010, 209 pp.
- Gorz A., *Wissen, Wert und Kapital: Zur Kritik der Wissensökonomie*. Zürich: Rotpunktverlag, 2004, 140 SS.
- Graeber D., *Bredovaya rabota: Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow: Ad Marginem, 2020, 440 pp. (In Russian).
- Grigорова Y. V., *Tvorcheskiy trud v postindustrialnom obshchestve: sotsialno-filosofskiy Analiz* [Creative Work in Post-industrial Society: Socio-philosophical analysis]: Candidate's thesis. Perm, 2016. (In Russian).
- Hamper B., *Rivthead: Tales from the Assembly Line*. New York: Grand Central Publishing, 1992, 260 pp.
- Herzog M., *From Hand to Mouth: Women and Piecework*. Harmondsworth: Penguin, 1980, 154 pp.
- Ingold T., 'The Temporality of the Landscape', *World Archaeology*, 1993, vol. 25, no. 2, pp. 152–174.
- Ingold T., 'Work, Time and Industry', *Time and Society*, 1995, vol. 4, no. 1, pp. 5–28. doi: 10.1177/0961463X95004001001.
- Ingold T., 'Taking Taskscape to Task', Rajala U., Mills P. (eds.), *Forms of Dwelling: 20 Years of Taskscapes in Archaeology*. Oxford: Oxbow Books, 2017, pp. 16–27.
- Kleman K., 'Neformalnye praktiki rossiyskikh rabochikh' [Informal Practices of Russian Workers], *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2003, no. 5, pp. 62–72. (In Russian).
- Konovalov I. A., 'Rozhdenie vremeni dlya truda: retseptsiya raboty Edvarda Tompsona o vznikenii kapitalisticheskogo temporalnogo soznaniya' [Time for Labour and Its Origins: E. P. Thompson on the Temporality of Industrial Capitalism], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019, no. 22(1), pp. 193–224. (In Russian).
- Marx K., *Lohnarbeit und Kapital*. Paderborn: Salzwasser Verlag, 2011, 44 SS.
- May J., Thrift N., 'Introduction', May J., Thrift N. (eds.), *Timespace: Geographies of Temporality*. London: Routledge, 2001, pp. 1–46.
- Pinchuk O., "Nestandartnye" usloviya truda zhenshchin na proizvodstve: opyt vklyuchennogo nablyudeniya' ["Non-standard" Working Conditions for Women at Work: The Experience of Participant Observation], *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya*, 2018, no. 15(10), pp. 24–40. (In Russian).
- Pinchuk O., *Sboi i polomki. Etnograficheskoe issledovanie truda fabrichnykh rabochikh* [Crashes and Breakdowns. Ethnographic Study of the Labor of Factory Workers]. Moscow: Fond podderzhki sotsialnykh issledovaniy "Hamovniki"; Common Place, 2021, 208 pp. (In Russian).

- Roy D., ‘“Banana Time”: Job Satisfaction and Informal Interaction’, *Human Organization*, 1959, vol. 18, no. 4, pp. 158–168.
- Sigaut F., ‘Technology’, Ingold T. (ed.), *Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life*. London: Routledge, 1994, pp. 420–459.
- Stein F., ‘Selling Speed: Management Consultants, Acceleration, and Temporal Angst’, *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*, 2018, vol. 41, no. S1, pp. 103–117. doi: 10.1111/plar.12256.
- Thompson E., ‘Time, Work-discipline, and Industrial Capitalism’, *Past and Present*, 1967, no. 38, pp. 56–97.
- Veblen T., *The Theory of the Leisure Class*. Oxford: Oxford University Press, 2008, 263 pp.